

Девушка, плавающая в бескрайнем океане, — сюжет произведения знаменитого американского фотографа Ричарда Мизраха.

И ПЁС С НИМ

Один из ведущих архитекторов Miami Design District Теренс Райли и сам живет в сердце этого динамично развивающегося района — по-холостяцки, лишь с дворняжкой Максом. Образ жизни у них схожий: одновременно весьма занятой и довольно расслабленный.

ТЕКСТ ОЛЬГА КОСЫРЕВА ФОТО TOM CLARK

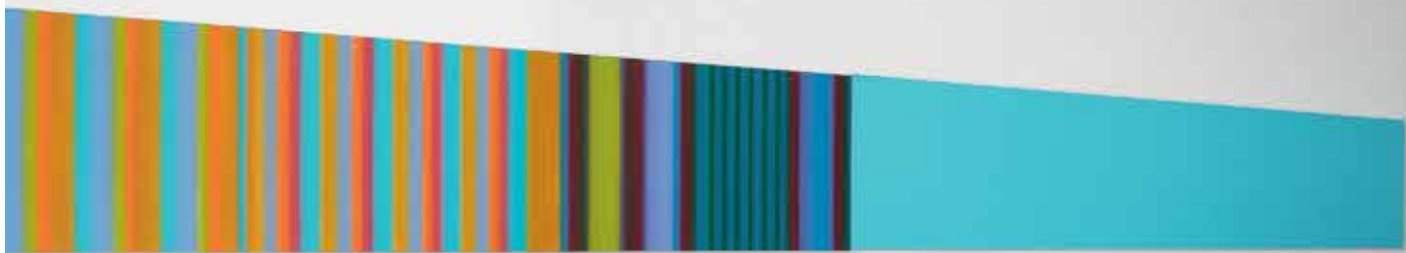

Дом состоит из двух параллелепипедов с бассейном между ними. Через стеклянную стену одного из них как на ладони видны гостиная, столовая, кухня. В середине, за бирюзовой стеной, — кубик, прячущий гостевой туалет и разные шкафы и кладовки.

То, что интервью и съемка в доме архитектора Теренса Райли назначены на утро после Дня благодарения, меня особенно не тревожило: этот праздник представлялся мне тихим днем индейки и домашнего очага. Никакой индейки на следующее утро там, конечно, не было, а вот призрак вчерашней пирушки в воздухе витал. Горы стаканов — уже, правда, вымытых — ждали своего возвращения на полки, а за кухонно-барной стойкой виднелись початые ящики вина и водки. Сам Терри был заспан, но улыбчив, и ничуть не смущался своих мятых джинсов и клетчатой рубашки, а услышав, что для съемки мы

его хотим видеть «элегантным», громко хмыкнул и отправился приводить себя в порядок и переодеваться. Явившись через десять минут в хорошем костюме, расслабленным жестом брякнул на мраморную столешницу две пары ботинок — мол, выбирайте. Расправил три ярких шелковых галстука на шее и сел, положив одну на другую босые ноги в резиновых шлепанцах. Уловив краем глаза мою ухмылку, рассмеялся: «Да-да, это Флорида-стайл, дорогуща!» — и продолжил кидать мячик своему четвероногому любимцу. Макса, помесь лабрадора, боксера и чуть ли не чихуахуа, Райли забрал из приюта, и теперь

ЗА ТАКИЕ КРЕСЛА КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ ДЕРУТСЯ НА АУКЦИОНАХ!

тот целыми днями играет, спит, через калитку на заднем дворе бегают гулять с соседскими собаками и купается в бассейне, когда жарко. А иногда и ходит с хозяином на службу: почему нет?

Терри смеется: «Вот говорят, мол, собачья жизнь — а чем плохо? Я бы и сам так жил!»

Надо признать, что он примерно так и живет. Правда, дел у него все же побольше, чем у Макса: Райли и его партнер по архитектурной фирме K/R Джон Кинен всю работу в Дизайн-квартале Майами, строят музей в Китае, проектируют музей и парк в испанской Мурсии, обсуждают большой девелоперский проект с художественной составляющей в Бразилии. Так что летать приходится по всему миру. Но, приезжая назад в Майами, Терри всегда возвращается в тихую гавань, место для подзарядки внутренних батареек. Офис у него в паре кварталов

от дома, так что сходить туда-сюда — вопрос десяти минут. «А бывает, я просто сижу здесь и книжку читаю, — говорит архитектор. — Могу целый день никуда не выбираться».

Двадцать лет он провел в самой гуще художественной и архитектурной жизни Нью-Йорка, четырнадцать из них был директором департамента дизайна и архитектуры в знаменитом музее МоМА. Именно под его руководством в начале 2000-х годов музей расширился почти в два раза, пережив глобальную реконструкцию стоимостью 858 миллионов долларов. Но девять лет назад, после переезда в Майами, его жизнь совершенно изменилась. «В Нью-Йорке она другая, гораздо более публичная. Ты все время ходишь на какие-то тусовки, встречаешься с людьми в ресторанах, дома не бываешь. У меня там была огромная минималистичная квартира, где

Кресло из плюшевых игрушек в гостиной — узнаваемая коллекционная работа бразильцев братьев Кампана, подарок нью-йоркского галериста Мюррея Мосса. «В нем сидишь как король на троне, — говорит хозяин. — Обожаю его. Вот только Макс подрал там одного крокодильчика, попортил дорогую вещь». Живопись на стене — «Визуальная репрезентация звука» Тима Бавингтона.

«В Нью-Йорке у меня была огромная минималистичная квартира, где я, по сути, только ночевал. Здесь совсем не так — это дом для жизни. Очень мне тут хорошо».

«Давайте сделаем портрет с сигаретой, как в 1950-е?» — предлагает Терри. И сам смеется: «Я знаю, в журналах нельзя. Сейчас даже вечера снимают вечеринку, прячут стаканы. Смешно!»

Кухня — это один большой параллелепипед-остров, он же служит и баром, когда собираются гости.

«Когда я выбирал вещи в этот дом, то думал о том, как они выглядят снизу. Вот сидишь в бассейне и видишь ножку стола Ээро Сааринена. Красота!»

На фото сверху: хозяйская ванная комната. Задняя сторона дома — самая солнечная, южная, а поскольку стена стеклянная, внутри всегда очень светло. За домом, так же, как и перед ним, оставлено место для небольшого палисадника.

На фото слева: через бассейн перекинут мостик, который ведет в частную половину. Там две спальни (хозяйская и гостевая) и две душевые-туалетные комнаты: компактная для хозяина и совсем крошечная для гостя.

я, по сути, только ночевал. Здесь совсем не так, это дом для жизни. Очень мне тут хорошо».

Дом архитектор, разумеется, построил сам, и это одновременно и типичная Флорида, и нетипичная. С одной стороны, какой же Майами без бассейна и пальм, а также без навесов, которые спасают попеременно от зноя и от ливней. С другой — среди розовых, желтых и лавандовых, почти игрушечных домиков по соседству этот бетонный параллелепипед выглядит, конечно, вызывающе. Обстановка внутри — в чем-то спартанская, в чем-то сибаритская. Вещей немного, но все продумано, многое спрятано в большом белом кубе посреди главного пространства гостиной-столовой-кухни.

Ну и, конечно, после стольких лет музейной работы дом Теренса — тоже немножко музей. Каждую стену или простенок там обязательно украшает картина или рисунок. Спрашиваю: «Что вы коллекционируете?» В ответ он машет на меня рукой — мол, какое там, никакой я не собиратель, так, имею некоторые картинки. Большая их часть — подарки друзей и самих авторов, что-то он купил по случаю. На одной из стен висят архитектурные рисунки: один сделан Ле Корбюзье, другой — современными

Полукровка Макс умеет выполнять многие команды, а за кусочек собачьего лакомства готов сидеть навтыжку хоть пять минут.

швейцарскими звездами из Herzog & de Meuron, третий — эскиз моста Сантьяго Калатравы. В крошечном бамбуковом садике у входа сидит фарфоровая собачка Джеффа Кунса — подарок Сэма Келлера, директора базельского художественного музея Фонда Бейелера. Даже обои на одной из стен — уникальное художественное произведение. «Мой знакомый фотограф Ричард Мизрах выставлялся на Art Basel Miami с серией работ, одна из которых мне очень понравилась. Я не был уверен, что он согласится сделать из нее фотообои, — Ричард перфекционист и всегда печатает безупречные оттиски, а тут все-таки качество печати не то. Но он согласился».

Теперь на стене у Терри плещется бирюзовый океан с одной крошечной фигуркой в нем, и эта стена — напоминание о том, что мы все-таки в Майами, пляжной столице Америки. И Райли об этом, похоже, никогда не забывает. Перед уходом в офис он на секунду задумывается, какой из трех галстуков надеть, выбирает ярко-желтый с мелкими голубыми рыбками и буквально сует его мне под нос: «Нравятся дельфинчики?» И, не дожидаясь ответа, продолжает: «Класс, просто класс! Такой у нас Флорида-стайл, дорогуша!» ■